

Лина
КОВАЛЬ

С О В Р Е М Е Н Н Ы Й Л Ю Б О В Н Ы Й Р О М А Н

ЗАБЕРУ

Анна Соло

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Любить больно

Лина Коваль

Заберу твою боль

«Автор»

2025

Коваль Л.

Заберу твою боль / Л. Коваль — «Автор», 2025 — (Любить больно)

ВНИМАНИЕ! СОДЕРЖИТ СЦЕНЫ ЭРОТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА И МОЖЕТ СОДЕРЖАТЬ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ!Шесть лет назад Ренат Аскеров был для меня всем: вдохновением, страстным огнем, первым и единственным мужчиной. Шесть лет назад я была его самой уязвимой частью, слабым местом, девятнадцатилетней влюбленной девчонкой. Сейчас эта девчонка выросла и превратилась в сдержанную молодую женщину, которая больше ни при каких обстоятельствах и ни с кем не готова играть в любовь. Увы, даже с ним...*— Я не буду с тобой работать, Ренат. Пусть меня лучше убьют! Аскеров в ответ усмехается и с нескрываемой мрачной иронией за мной наблюдает, а я замечаю, что ничего в нем не поменялось. Он все такой же невозмутимый, мужественный и чужой, как в нашу последнюю встречу.— Боишься, потому что так сильно по мне скучала, Эмилия?.. — Вот еще!.. — взволнованно откликаюсь. — Скучать — значит ждать, а я тебя не ждала. Да и вообще — повзрослела...*Второй том. Название первого - "Не надо боли".

© Коваль Л., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1. Эмилия	6
Глава 2. Эмилия	9
Глава 3. Эмилия	13
Глава 4. Ренат	16
Глава 5. Эмилия	21
Глава 6. Эмилия	26
Глава 7. Ренат	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Ли́на Кова́ль

Заберу твою боль

«ЗАБЕРУ ТВОЮ БОЛЬ»

©Коваль Ли́на, 2026

Исключительные права на публикацию книги принадлежат автору. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения автора запрещается.

Связаться с автором, а также узнать новости о новинках и творческих планах можно через Телеграм канал: [Ли́на Кова́ль. Автор](#) или одноименный канал в МАКС.

*Все персонажи являются вымышленными,
любое совпадение с реальными людьми случайно*

Глава 1. Эмилия

— Ты что-нибудь слышала про «Теорию последней встречи»? — спрашивает Искра, пока я жду отмашку от техника по свету.

— Нет, — отвечаю несколько раздраженно: не привыкла отвлекаться от дела.

На репетиции совсем немного людей, кто-то, как всегда, опаздывает, что уже страшно нервирует. Возможно, из-за яркой модельной внешности некоторые считают меня очередной поверхностной певичкой, но в работе я жуткая зануда и страшный абьюзер.

Все должно быть безупречно — ни в коем случае не меньше.

Искра, не дождавшись от меня энтузиазма, сама продолжает разговор:

— Это сейчас обсуждают все тиктокеры, Эмилия. Согласно «Теории последней встречи», в любых отношениях наступает момент, когда люди встречаются в последний раз и расстаются навсегда. Говорят, так Вселенная показывает, что ваш кармический путь с партнером завершен и вы оба усвоили жизненные уроки, которые должны были извлечь из...

— Так... — останавливаю этот поток информации с легкой улыбкой. — Давай к делу. Что ты хочешь этим сказать?

Худое лицо моей лучшей подруги и по совместительству концертного директора возмущенно вытягивается, а светлые, почти белые волосы теперь еще сильнее оттеняют покрасневшую кожу.

— А я хочу сказать, что если для кого-то существует «Теория последней встречи», кстати, научно недоказанная, то у тебя, Эмилия Литвинова, развился «Синдром первого мужчины».

— С чего ты так решила? — моя улыбка сходит с губ, а внутренности что-то больно скручивает.

— После твоего Рената ты вообще не воспринимаешь мужчин серьезно. Ни одного!..

Световик наконец-то дает отмашку, и я иду вглубь пустого киноконцертного зала, чтобы посмотреть общую картинку с разных ракурсов.

Искра неустанно следует за мной и останавливается в проходе.

— Нет, ты со мной говоришь, — настаивает. — Почему ты не хочешь выйти замуж за Глеба? Почему не воспринимаешь его всерьез? Он прекрасный молодой человек, симпатичный, из известной семьи. Все из-за твоего бывшего — Аскерова!

Я проглатываю эмоции, чтобы, не дай бог не показать их. Привыкла к тому, что эта фамилия то и дело мелькает. Единственный человек, который за шесть лет ее не произнес — мой отец. Ему я страшно благодарна!

— И что ты скажешь в свое оправдание?..

— Странно слышать эту беспочвенную претензию, — опускаю взгляд, потираю крохотную татуировку на запястье, а затем касаюсь огромного булыжника-бриллианта. — Особенно с учетом того, что я уже полтора года встречаюсь с Озеровым и даже приняла от него кольцо.

— Рада, что ты тоже видишь в этом какую-то странность. Значит, ты не совсем потеряна для общества!

Включив микрофон, сухо командую:

— Валер, давай добавим заднее освещение, иначе я буду сливаться с этими декорациями, а старые костюмы придется подгонять.

— Скажу бабушке, чтобы приготовила тебе три кастрюли супа с клецками и гору чебурек. Это дешевле, чем ушивать весь гардероб, — фыркает Искра.

Я чувствую легкое головокружение при упоминании о еде, но улыбаюсь, понимая цель подруги. Она просто хочет обо мне позаботиться, иногда перегибая, как мамочка, которая слишком опекает свое дитя.

— И хватит там болтать, — шиплю в микрофон, отвлекая кучку танцоров на сцене. — Начните уже работать! Не знаю, как вы, а я очень волнуюсь перед завтрашним днем, и если что-то пойдет не так, то штрафные санкции из ваших контрактов начнут работать.

— Боже, до завтра они от нас разбегутся, — Искра шутливо ворчит.

— И пусть, — безжалостно отключаю микрофон. — Уж лучше петь одной, чем держать за спиной непрофессионалов. На сцене все должно быть идеально. Каждый гость должен понимать, за что он заплатил. Это мое первое негласное правило.

— Я знаю и очень тобой восхищаюсь!

— А что касается Глеба... — смотрю на подругу и ненадолго задумываюсь, вспоминая своего молодого человека.

«Синдром первого мужчины»... В этом что-то есть.

— Мы точно поженимся, — спокойно улыбаюсь. — Когда у меня будет время. Сейчас, сама видишь, надо немного поработать.

— Я это шесть лет слушаю, про твое «немного», — она обреченно вздыхает. — Вот сейчас отработаем новогодние корпоративы, потом концертный тур... летний тур по курортным городкам, а осенью у тебя куча телевизионных проектов, и снова Новый год.

— Просто Бог придумал всего двенадцать месяцев, — пожимаю ее плечо. — Не нужно и в этом винить только меня.

— Я тебя ни в чем не виню, моя хорошая, — Искра импульсивно меня обнимает, но я быстро и умело отстраняюсь.

— Прости, ты ведь знаешь, я этого всего не люблю... Так, — снова включаю микрофон. — Давайте уже работать...

Генеральный прогон проходит более-менее успешно. На девяносто процентов из ста возможных, потому что, во-первых, меня все же не устраивают танцоры (надо будет сказать хореографу, чтобы сделал замену к следующему концерту), а во-вторых, я слишком быстро устаю, но здесь, кроме себя, пенять не на кого.

Пока меняю пропитанную потом футболку с легинсами на рваные джинсы и тонкий свитер, телефон отчаянно хрипит моим же голосом. Пусть нескромно, но я действительно горжусь этим хитом, который вот уже двенадцать недель держится на вершине всех чартов.

Когда-то я писала эти проникновенные строки для своего первого мужчины, в которого была влюблена до безумия. Видимо, мои эмоции были такой силы, что проникли в сердца миллионов слушателей.

— Да, — отвечаю впопыхах на звонок.

— Привет.

— Привет, Глеб.

— Ты как там, солнце? Собираешься? Родители ждут, мама такой стол оформила. Все в лучшем виде.

— Ах да, конечно, — хмурюсь, снова чувствуя легкое головокружение. — Буду через час. Что-нибудь привезти?

— Привези себя, пожалуйста. Я тебя с прошлых выходных не видел.

Я еще раз осматриваю свой повседневный, пусть и брендовый наряд, и иду к напольной гардеробной стойке, где перебираю, приготовленные к завтрашнему дню платья. Они довольно откровенные, но других вариантов нет.

Нахожу самое подходящее для светского ужина. Теплым и семейным назвать его не могу: отношения со старшими Озеровыми пока не самые близкие. Мы друг к другу привыкаем.

— Ладно. Буду собираться, Глеб. Жди!.. — тут же отключаюсь и, стянув свитер и джинсы, надеваю платье почти на голое тело.

Провожу ладонями по элегантному черному шелку, плотно облегающему высокую грудь и талию, и оборачиваюсь, чтобы рассмотреть в зеркале открытую до поясицы спину.

— Допустим... — шепчу, а затем расчесываю длинные темные волосы и решаю так и остаться без макияжа. Образ будет более домашним, не хочу никакой искусственности.

Попросив водителя подъехать к главному входу, подписываю в фойе несколько открыток налетевшим поклонницам и спускаюсь по бетонным лестничным пролетам к парковке.

Двух мужчин, направляющихся ко мне навстречу, вычисляю сразу. И пусть внешне стиль ничем не отличается от официального: те же деловые черные костюмы, невзрачные галстуки и начищенные до блеска туфли, но глаза и, казалось бы, цепкие, но отстраненные взгляды выдают их с головой. Или я не дочь полковника Управления Федеральной службы безопасности.

— Эмилия Давидовна, добрый вечер, — здоровается один из них.

— Что-то с отцом? — мгновенно пугаюсь я и сжимаю сумку-клатч.

— Не стоит беспокоиться. Вы должны проехать с нами.

— Я... хорошо, у меня будет около часа завтра утром. Я подъеду.

— Вы не поняли, Эмилия Давидовна, — говорит второй чуть жестче. — Вы должны проехать с нами сейчас.

— Ладно, — срываюсь и взбешенно цокаю высокими тонкими каблуками. — Будто у нормальных людей больше дел нет, чем ездить с вами!.. Юрий, подъезжай сразу на Лубянку, — приказываю своему водителю, внимательно наблюдающему за нами.

— У вас какие-то проблемы? — спрашивает он, поглядывая на сопровождающих.

— Нет у меня проблем. Жду тебя там. Будь добр, не опаздывай!..

После того как все загружаемся в черный микроавтобус с затемненными стеклами, врубаются громкие спецсигналы, и мы беспрепятственно добираемся до главного здания всех чекистов и разведчиков.

— Всего хорошего, Эмилия Давидовна, — в пустынном коридоре конвоиры прощаются прямо перед высокой дубовой дверью.

— И вам добра! — чуть резко произношу и, сунув сумку под руку, дергаю дверь, даже не отдышавшись.

Ноги подкашиваются, когда без подготовки, вот так, наживую, сталкиваюсь с пронизывающим взглядом холодных черных глаз.

Да-да, вот так. Без предупреждения, без раскочки, без страховки.

Как в омут с головой и чувствами.

Мне хочется сбежать, чтобы прокричаться или как минимум содрать со своего лица маску спокойствия, но я сдерживаюсь. Потому что сильная и... гордая, а «Теория последней встречи», получается, в нашем случае не подходит.

— Привет, Эмилия, — здоровается Ренат без какой-либо улыбки. Он поднимается, застегивает нижнюю пуговицу на пиджаке и жестом указывает на стул.

— А... Привет. Ты еще жив?.. — интересуюсь скупающе и, покачивая бедрами, невозмутимо направляюсь вглубь кабинета.

Глава 2. Эмилия

Наш четырехмесячный роман с сослуживцем и другом отца Ренатом Аскеровым начался внезапно и стал все вокруг озарившей вспышкой. Яркой, мгновенной, страстной. До жгучей рези в глазах ослепляющей.

А потом небеса неожиданно погасли, и стало темно...

Я давно занимаюсь благотворительностью, посещаю самые разные мероприятия и на одном как-то познакомилась с девушкой с полным отсутствием зрения, совершенно не испытывающей дискомфорта в коммуникации.

Наоборот, Лина вела себя легко, непринужденно и гораздо искреннее многих моих собеседниц.

— Расскажи, как ты живешь? — спросила я у нее.

— Нормально живу. Как все, — ответила она с приятной улыбкой и поправила темные очки.

— Ты очень сильная. Я не представляю, как можно не видеть ничего вокруг. Солнечный свет, утренний туман или даже ночной город. В мире столько всего прекрасного...

— Это не совсем так. Вернее, — засмеялась Лина, — в моем мире тоже много прекрасного, Эмилия: ласковое тепло солнечного света, свежий аромат летнего утра и, конечно, беспокойный шум ночного города. Кроме того, я ведь с самого рождения такая... Темнота для меня никакая не потеря, а привычный мир и моя личная зона комфорта.

Эта удивительная девушка буквально заставила меня осознать: темнота в душе, которую я после расставания с Ренатом воспринимаю как величайшую утрату и боль, навсегда бы осталась и моей личной зоной комфорта, если бы я так сильно в него не влюбилась.

«Любить так, чтобы не чувствовать боли» — отныне мой девиз. И у меня наконец-то все получается. С Глебом.

А с мужчиной, который сидит напротив и настолько пристально меня изучает, что вот-вот прожжет дыру, никогда так не получалось: меня буквально наизнанку выворачивало. От каждого его прикосновения, от каждого поцелуя, от поселившейся во мне ревности.

— Как ты поживаешь, Эмилия? — спрашивает Ренат, абсолютно игнорируя мои сомнения насчет того, жив ли он.

— У меня все отлично. Спасибо за беспокойство, — отвечаю уже гораздо холоднее.

Вспышки — это плохо. Вспышки — это всегда взрыв эмоций.

— Если можно, давай сразу перейдем к делу, — демонстративно поправляю часы на запястье. — У меня планы на вечер.

— Рад за тебя, — он сухо кивает, подается вперед, и на стол передо мной опускается лист бумаги. — Подпиши. Разговор будет конфиденциальный.

— Хорошенькое начало, — хмурюсь, но предложенную ручку все же беру. Осторожно, чтобы не задеть пальцы Рената. — Не помню, чтобы давала свои паспортные данные, — ворчу под нос, сверяя цифры и даты.

— Пришлось вскрыть несколько баз данных ради такого случая.

— Кто бы сомневался.

Размашистым почерком подписываю соглашение о неразглашении информации, честно, сильно жалея, что целых полгода переносила свадьбу. Было бы красиво, если бы я вывела «Эмилия Озерова» прямо перед носом Рената. О том, что фамилию я менять не планировала, сейчас как-то забыла.

— Когда ты в последний раз видела отца, Эмилия?

В душе зарождается что-то щемяще-беспокойное, но я напрягаю память. Это ведь папа. Что с ним может случиться?..

— Сейчас сентябрь... Значит, это было... в мой день рождения, — отвечаю.

— Первого июля? — Ренат уточняет.

— Да, — чувствую, как щеки вспыхивают, и опускаю взгляд.

Сознание против воли затягивает в водоворот воспоминаний.

Наш роман начался именно с моего дня рождения. Я захотела соблазнить друга отца, который всегда вызывал внутри что-то вроде болезненного зуда от щекотки, и у меня получилось. Как правило, я всегда добиваюсь чего хочу. Рано или поздно.

— После этого были звонки?

— От папы? Конечно. Где-то раз в неделю. У меня плотный график, перелеты, разные часовые пояса. Нам не всегда удается даже поговорить. — Сердце снова сбивается. — Так... что случилось? Где он?

— Мы не знаем, Эмилия, — отвечает Ренат, не переставая наблюдать за моими реакциями.

— Что значит вы не знаете? — повышаю голос.

— Полковник Литвинов не выполнил поставленные руководством задачи и перестал выходить на связь. У нас есть информация, что при переходе через границу Польши Давид бесследно исчез.

— Бред какой-то. Зачем ему исчезать?..

— У нас есть предположение...

— Какое?

— Полковник может быть задержан либо по подозрению в государственном шпионаже, и другая сторона пока не хочет предавать арест международной огласке. Либо...

Он замолкает, будто оценивая степень моей вовлеченности в разговор.

— Что?..

— Либо его рассекретили местные радикальные группировки, тогда все гораздо серьезнее. Его могли взять в плен с целью завладеть секретной информацией.

— Я ничего об этом не знаю! — взволнованно восклицаю. — И что же делать?..

— Только ждать, — задумчиво отвечает Ренат и, склонив голову набок, наблюдает, как я нервно ерзаю на стуле. — А пока тебя везде будут сопровождать мои люди.

*

— Что значит «сопровождать»? — прищуриваюсь.

— Значит рядом с тобой всегда будет мой человек. Дома, на прогулке, в магазинах... Где ты там еще бываешь?

— Твое представление о моей жизни весьма исчерпывающее! — бешусь от такой обесценивающей мой успех характеристики.

Я действительно многого добилась за эти шесть лет. Брала всевозможные заявки, работала и в дождь, и в холод, и в жару. С температурой, больным горлом и без голоса, уставшая — было неважно.

Взбираясь на музыкальный олимп страны, все время пыталась что-то кому-то доказать. Окружающие редко это принимали, а я только сейчас, когда слышу это пренебрежение в голосе, которое срабатывает спусковым крючком, понимаю: я хотела доказать именно Ренату.

Уходя, он оставил мне весьма ощутимый капитал. Полагаю, это были все его сбережения, которые Аскеров попросил меня использовать с умом. Мне больше не нужно было петь в ночных клубах. Денег хватило и на запись альбома, и на промо к нему.

Но дальше я справилась сама...

— Напиши полный перечень мест, где ты обычно бываешь, и список людей, с которыми чаще всего контактируешь, — перед глазами возникает чистый лист и сильная мужская рука. — Любые контакты, Эмилия: друзья, работа, жених, родители жениха.

По обнаженной спине пробегает холодок, сменяющийся неприятными мурашками. Он и про Глеба знает. И так спокойно о нем говорит...

Тело подкидывает от злости. Опять?..

Нет-нет-нет.

Я не хочу Рената в своей жизни. Не хочу с ним встречаться. В идеале не хочу даже знать, что Аскеров в Москве.

Что живой и невредимый.

Что все такой же серьезный, невозмутимый и решительный на своей службе.

Он ведь не сегодня вернулся. И вряд ли вчера. Правда?..

В давно замороженном от активной работы и насыщенной жизни сердце что-то просыпается. Черное, колючее. Закостенелая обида, которую невозможно выжечь ничем. Ни новыми отношениями, ни успехами, ни деньгами. Сердце его пропитано, как старая засохшая губка.

— Давид может связаться с тобой любым способом, Эмилия. Например, через близких. Или злоумышленники могут организовать твоё похищение с целью воздействия на Литвинова. Возможно, они будут пытаться разговаривать с тобой таким способом. Мною принято решение с этого дня взять тебя в работу.

Кладу ладони на стол и придвигаюсь так резко, что грудь больно впечатывается в его край.

— Что значит «тобою принято решение»? — отчеканиваю, чувствуя, как лицо полыхает. — Я не твой сотрудник, чтобы мне приказывать. Обойдешься без моей помощи.

Уголки жестких губ дрожат, а в черных глазах появляются намеки на далекие эмоции, которые тут же хочется выкрутить на максимум.

Аскеров зеркалит мою позу, нависает над столом и ровным, сухим голосом объясняет:

— Ты пока гражданка страны, поэтому будешь мне подчиняться.

— Я? Подчиняться? Тебе? — раздраженно закатываю глаза. — Это даже несмешно. Делай что хочешь, чтобы спасти отца и вернуть его в эту самую страну невредимым, потому что в обратном случае я устрою такой международный скандал, что мало никому не покажется.

По-моему, даже лампочки на полке не выдерживают моей угрозы и начинают усиленно моргать.

— Что ты сделаешь? — голос Рената становится жестким, на крепкой шее проступают отчетливые вены, оттеняемые воротником белой рубашки.

— Ты слышал, что я сделаю!.. — откидываюсь на спинку стула и морщусь, потому что лопаток касается холодная искусственная кожа.

Он тоже прислоняется к спинке кресла и смотрит на меня в упор.

— Не глупи, девочка.

— Я тебе не девочка, — огрызаюсь. — Ты сказал, разговор будет официальным. Потрудись использовать мое имя. То, что мы когда-то пару раз переспали, не дает тебе права так ко мне обращаться.

Ожидаю, что он взорвется, но внезапно слышу, как хриплый смех прорывается сквозь отстраненную маску силовика.

Козел.

Выдыхаю.

— В общем, я не буду с тобой работать, Ренат. Пусть меня лучше убьют! Пусть пытаются, иголки под ногти загоняют, хоть паяльником жгут...

Аскеров в ответ усмехается и с нескрываемой мрачной иронией за мной наблюдает, а я снова замечаю, что ничего в нем не поменялось. Он все такой же невозмутимый, мужественный и чужой, как в нашу последнюю встречу.

— Боишься, потому что так сильно по мне скучала, Эмилия?.. — медленно интересуется.

— Вот еще!.. — взволнованно откликаюсь. — Скучать — значит ждать, а я тебя не ждала.

Да и вообще — повзрослела.

Черты волевого лица грубеют, как и тон голоса, не терпящий возражений:

— Тогда больше не капризничай, раз повзрослела. За твою безопасность отныне отвечают мои люди.

— Это мы еще посмотрим!.. — обещаю, пулей вылетая из кабинета.

По неприкрытой тканью спине снова гуляет ветер и что-то еще.

По длинному узкому коридору мне навстречу идет сотрудница с погонами подполковника. Оцениваю ее чисто по-женски. Миловидное лицо, хорошая фигура, стройные ноги и... строгий пучок на голове.

Потом узнаю.

Будто внушительную пощечину отвешивают.

Это она.

Та девушка, которую я приняла за случайную попутчицу в нашу последнюю встречу, шесть лет назад. Я провожала Аскерова на вокзале. До сих пор не представляю, как справилась тогда? Как выжила?

Как?..

Я до сбитых ног, рыдая и умоляя, бежала по пустому перрону, а он... даже не повернулся.

И эта мырма все видела? Мое унижение?..

Вздернув подбородок, прохожу мимо Майи Синициной, полностью ее игнорируя.

Значит, отец был прав, а я ему не верила.

Ренат действительно уехал не один. С ней...

К черту все!..

Не потрудившись придержать дверь, выскакиваю из здания Управления и спешу к припаркованному у дороги «Лексусу». Чувство, что за мной следят, не покидает, поэтому перед тем, как скрыться на заднем сиденье, непримиримо смотрю на ровные ряды высоких окон.

— Все в порядке? — спрашивает Юрий, поглядывая на меня в зеркало.

— У меня всегда все в порядке, — сдуваю налетевшие на лицо пряди и пытаюсь отдышаться. — Едем к Озеровым.

Глава 3. Эмилия

С Глебом меня познакомил папа.

Дмитрий Александрович Озеров, занимающий высокий государственный пост советника президента по вопросам культуры и молодежи, когда-то вместе с отцом участвовал в межведомственном проекте, а два года назад они случайно встретились на приеме в Кремле.

Мужчины обменялись контактами и возобновили приятельство.

Не знаю, было ли знакомство с сыном Озерова запланированным, но выглядело это именно так. Сначала я испытала что-то вроде слабовыраженного протеста, но Глеб сумел мне понравиться внутренним спокойствием и рассудительностью.

Это было то, что мне нужно: надежность, открытость и честность.

В свои двадцать три он только что с отличием закончил международно-правовой факультет в МГИМО и занял должность младшего юриста в «МосЭнергоКонцерне». Скорее всего, не без помощи отца, но это нормально, когда родители помогают детям. А кому же еще?..

Сейчас нам по двадцать пять. У нас одинаковые цели и мечты: каждый хочет заниматься любимым делом, а еще пожениться и в обозримом будущем завести детей. Мы хотим двоих. Неважно, будут это мальчики или девочки. Главное, чтобы были здоровые.

— Ну наконец-то, — ворчит Глеб, вытягивая меня из автомобиля за руку.

Я осматриваю белую рубашку с закатанными до локтей рукавами и недовольное лицо, которое тут же смягчается. Никогда бы не подумала, что мне может понравиться рациональный юрист-блондин со светло-серыми умными глазами.

— Мама сильно на меня ругается? — изображаю крайнюю степень сожаления.

— Расслабься. Моя мама никогда не ругается... Она интеллигентная женщина.

— Моя идеальная свекровь, — улыбаюсь и, обхватив коротко стриженный затылок, прижимаюсь губами к подбородку будущего мужа.

— Что-то ты задержалась... — его ладонь гуляет вдоль моего позвоночника.

Неловко отстраняюсь.

— Потом расскажу, — морщусь, вспоминая произошедшее на Лубянке. — Мне наконец-то доставили вино, которое я заказывала для Анны Константиновны. Забери, пожалуйста, коробку из багажника.

Глеб исполняет мою просьбу, и мы, взявшись за руки, идем к большому светлому дому.

— Ты какая-то странно притихшая. Как себя чувствуешь? — жених внимательно осматривает мое лицо.

— Устала немного...

— Долго стояли в пробке?

— Да, — киваю. — И перед концертом волнуюсь.

— Все будет отлично. Сама знаешь...

— Надеюсь...

— В обратном случае тебя ждет карьера супруги... хм... старшего юриста «МосЭнерго Концерна», — произносит он как бы невзначай.

— Да ладно! — перед входом я резко останавливаюсь и счастливо смеюсь. — И ты молчал?

— Ты была занята концертом, а мое назначение так долго пылилось без подписи в кабинете у главного, что я ни в чем не был уверен. — Он открывает дверь.

— И все это время переживал один?.. — Я хватаю Глеба за руку.

— Я особо не переживал. Молчанов обещал. И мне, и отцу. Поэтому волноваться не было нужды, а ты бы точно себя накручивала.

— Конечно. Я ведь знаю, как это для тебя важно!

Войдя в светлую столовую, вежливо здороваюсь со старшими Озеровыми. Они классический образец семьи высокопоставленного госчиновника. Супруг — высокий седоватый блондин с умным лицом и в деловом костюме по цене самолета, супруга под стать — стройная ухоженная женщина в элегантных нарядах, тоже светленькая, всегда спокойная, без вычурности и со строгими взглядами на жизнь.

Глеб выдвигает стул и помогает мне разместиться, а затем собирается сесть слева, но я, пряча клатч за спину, останавливаю:

— Анна Константиновна, у меня есть небольшой вклад в вашу винную коллекцию. Глеб, покажи, пожалуйста, маме, — смущенно прошу.

— Эмилия, ты ведь знаешь, как мне всегда неловко принимать подарки?

— Это от всей души. — Наблюдаю, как сын презентует матери набор в строгой деревянной коробке, который включает пять изысканных и титулованных красных вин.

— «Шато Мутон-Ротшильд»? — восхищенно произносит Анна Константиновна и смотрит на меня. — Эмилия, это же безумные деньги!.. Не стоило!

— Я подумала, что все это время ничего особенного вам не дарила, а когда увидела у одного раскрученного европейского сомелье этот набор, решила исправить свою оплошность. Все представленные здесь вина получали сто баллов от известных винных критиков не менее трех раз, а в мире таких комплектов не более трехсот, — заканчиваю презентацию.

— Дима. Ты посмотри!..

— Отличный подарок, Эмилия, — хвалит Дмитрий Александрович. — Предлагаю отметить это вкусным ужином. Надеюсь, он еще не остыл.

— Ах да, простите, — тут же вспоминаю начало вечера.

По дороге сюда безуспешно звонила папе, а еще проклинала себя за несдержанность.

Конечно, я, как все девочки, в малейших деталях представляла свою встречу с бывшим, который когда-то разбил мое сердце. Ситуация «смотри, мой хороший, что ты потерял, и кусай локти» живет в каждой.

Я так надеялась, что в этот момент буду в своей лучшей форме, с красивым макияжем и в сексуальном платье. Цветущая, счастливая и... выжившая.

Такая безнадежно равнодушная, будто встретила курьера с желтым чемоданчиком за спиной и забрала свой остывший том-ям, вручив внушительные чаевые.

Эффект неожиданности сыграл злую шутку.

Там, в прохладном кабинете Управления, я будто бы завалила экзамен, к которому готовилась все шесть лет. Начала эмоционировать, вспомнила наш роман, отстаивала свои границы как все та же девятнадцатилетняя девчонка.

Второй раз этого уже не случится.

Теперь я всегда буду готова к встрече с Ренатом.

Теперь я знаю, что он не в какой-то случайной стране на одном из шести континентов, а здесь... совсем рядом, но по степени удаленности от меня все такой же далекий и чужой. Посторонний.

Я долго обдумываю свое непростое положение и, пока на столе сменяются блюда, отвечаю на вопросы Анны Константиновны о завтрашнем концерте, а затем обращаюсь к будущему свекру:

— Дмитрий Александрович, а вы давно разговаривали с отцом?

Он поправляет очки и хмурится, припоминая.

— Не меньше месяца назад.

— Понятно... — вздыхаю разочарованно.

— Что-то случилось, Эмилия?

— Меня вызывали на Лубянку. Сегодня.

— С какой целью? — удивляется он.

— Я думаю, что-то случилось с папой... Что-то страшное... — прикусываю нижнюю губу, но сдерживаю слезы.

Подбираю формулировки, вспоминая о подписанном соглашении.

— Если хочешь, я наведу справки. Завтра же созвонюсь с генералом Харламовым, чтобы он связался с Ярославским.

— Спасибо... — киваю. — А еще... сотрудник, который со мной сегодня разговаривал, был очень груб...

— Что он говорил? — сразу же включается Глеб. — Он тебя обидел? Ты поэтому такая взволнованная?

— Просто не подобрал выражения. Или мне так показалось...

— Бедная девочка, — сочувственно произносит Анна Константиновна. — Дима, ты ведь знаешь, какие там бывают неприятные люди. Система никого не щадит. Надо защитить Эмилию. Пусть имеют в виду, что с Озеровыми так нельзя!..

— Спасибо вам, — я благодарно улыбаюсь.

— С кем ты разговаривала, Эмилия? Фамилию запомнила? Звание или должность? — Дмитрий Александрович насеждает, а его лицо становится суровым.

Глеб для поддержки накрывает мою ладонь. Быть в семье — это странно, но я учусь и привыкаю.

— Полковник Аскеров, — выдаю.

— В таком случае я сам свяжусь с Ярославским... Завтра же.

— Спасибо вам огромное, — я умиротворенно вздыхаю. — Больше не хотелось бы с ним общаться. Никогда.

— Сделаю все возможное, Эмилия. Главное, не волнуйся. И с Давидом все разрешится.

После ужина мы решаем остаться в доме родителей, поэтому я отпускаю водителя до утра и перед сном принимаю теплую ванну, а затем, замотавшись в белоснежное полотенце, сажусь на кровать в нашей комнате и настраиваюсь на завтрашний день, который будет сложным и важным одновременно.

Десять тысяч человек. Все билеты проданы.

Такое со мной впервые.

Пока Глеб общается с отцом в кабинете и, вернувшись, принимает душ, я отдаю последние распоряжения в рабочем чате и разбираю завал из сообщений, основную часть которых составляют приглашения на самые разные мероприятия и съемки.

Палец замирает, когда вижу на экране знакомый номер.

И это снова удивительно, потому что не помню, ела ли я утром, но эти цифры будто врезались в память навечно, а волнение, которое сейчас испытываю, равносильно выходу на сцену.

Адреналин зашкаливает.

«Надеюсь, ты не рассказала о нашей встрече Озеровым?»

— Ты плохо меня знаешь, Ренат Булатович. Я изменилась и буду тебе сопротивляться!.. — шепчу, снося переписку и отправляя ненавистный номер в черный список, абсолютно уверенная, что уже утром его там не будет.

И оказываюсь на сто процентов права...

Глава 4. Ренат

Как создается агентурная сеть за пределами государства?

Долго, нудно и планомерно.

Очень долго...

Годами, в отдельных странах — десятилетиями, потому что нахрапом не получится.

Только шаг за шагом проникая в местные касты, потому что важная, зачастую секретная информация хранится не в сейфах и головах людей, которые принимают политические решения.

Информация, как нерастворимый металлический осадок, откладывается в самых низших слоях общества.

Уникальная способность увидеть и расположить человека, интеллект и грубость — вот на чем строится талант разведчика, задача которого — вербовка. В этом деле «человеческие» качества только мешают.

— Привет, ты уже занят?.. — с утра заглядывает Майя.

— Нет, только приехал, заходи, — зову приглашающим жестом и открываю ноутбук. — Какие новости?

— Пан Бжезинский... снова завел песню о выходе из дела, — коллега разочарованно опускается на стул.

Явно нервничает.

Осветленные волосы сегодня не собраны наверх, как обычно. Неброский макияж, светлый маникюр, брючный костюм — вид соответствует занимаемой должности заместителя руководителя направления и только что полученному званию подполковника.

Не уважать эту женщину уже не получается, хотя, признаюсь, к ее переводу из Следственного комитета изначально относился предвзято.

— Наша песня хороша, начинай сначала...

— Так что с ним делать?

— Бжезинский должен понимать, что сейчас это уже невыполнимо. — Взяв чашку с кофе, встаю и подхожу к высокому окну. Металлические жалюзи с треском разъезжаются, открывая доступ утреннему осеннему солнцу.

Люблю этот вид на центр Москвы.

С бешеным трафиком, пылью, немногочисленной рекламой.

Что скрывать?.. Я скучал. Возможно, если бы знал, что когда-нибудь сюда вернусь, это чувство не было бы настолько сильным?

— Он боится, Ренат. Боится за семью, за детей. Его ведь тоже можно понять...

— Так уж и можно? Понять агента?.. — усмехаюсь и оборачиваюсь, а затем отпиваю кофе.

Нутро обжигает.

— Да, ты прав, — Майя расслабляется и смеется. — Это во мне говорит женщина, а не сотрудник.

— Видишь...

— Я знаю, что ты опять скажешь... Именно поэтому нас не берут в разведку.

— Только в качестве жен разведчиков.

— Потому что рядом должен быть тот, кто безэмоционален и расчетлив.

— Именно, — киваю, улыбаясь в чашку и одним глотком допиваю утреннюю порцию.

— Поговори с ним, Ренат. Он всю ночь ехал на запад, чтобы связаться с нами из придорожного кафе. Ждет связи.

— Давай. — Резко возвращаюсь к столу и забираю у Майи специальный телефон со встроенной записью разговоров и блокировкой записи у собеседника.

— Можно я послушаю?

— Сиди уже, — ворчу и, услышав тихий голос, громко здороваюсь: — Войцех. Приветствую. Это Артур.

— Здравствуйте, я уже сказал вашей женщине, что хочу выйти из игры. Я боюсь, что руководству станет известно...

— Войцех, вы ведь понимаете, что это невозможно?

— Да, я понимаю, но... все-таки хочу закончить, я больше не буду отправлять отчеты. Просто хотел сообщить вам. Извините.

— Войцех, вы понимаете, какие результаты повлечет ваш отказ?

— Да сколько можно? Я не хочу доносить на собственных коллег. Я чувствую себя предателем.

— Вы и есть предатель, Войцех, но я задал вопрос. Вы не ответили.

Молчит. Это хороший знак.

Осталось грамотно дожать.

— Я потратил много сил, чтобы спасти вашего сына из рук правосудия, но с этого дня не буду сдерживать те документы, чтобы справедливость восторжествовала. Только учтите, что теперь речь пойдет о реальном сроке... Наш разговор — это не шутки.

— Я понял-понял, — удрученно вздыхает собеседник, а на лице Майи расцветает победная улыбка.

Но за любым непослушанием должно следовать наказание — это еще одно обязательное правило с сотрудниками.

Постукивая пальцами по столу, раздумываю.

— Вы расстроили нас, Войцех. Очень расстроили. Ваше жалование будет уменьшено вдвое.

— Но почему? — он возмущенно вскрикивает.

— Считайте, для профилактики. И чтобы дурные мысли не посещали вашу светлую голову. Надеюсь, вы не вынудите нас воспользоваться собранным компроматом?.. Я расстроюсь, если мои усилия окажутся напрасными и нам придется попроситься, а мое руководство может воспринять этот факт как призыв к более решительным действиям. Они вам не понравятся.

— Что вы имеете в виду?

— Ничего. Я просто рассуждаю.

— Я буду сотрудничать. Обещаю, — тараторит. — Буду. Иногда только не понимаю, какая именно информация вас интересует. Через нашу канцелярию проходит очень много документации, самой разной, я часто теряюсь, что именно вам подойдет.

— Не нужно о нас думать, Войцех. Отправляйте все, что прямо или косвенно касается политической деятельности.

— Хорошо. Я понял.

— И берегите себя. Здоровья супруге.

— До свидания, Артур, — буркнув, агент бросает трубку.

Майя забирает телефон, глядя с восхищением.

— Вот как у тебя всегда так получается?

— Надо пожестче. — Схватив рабочую папку, поднимаюсь и натягиваю пиджак. — Я к Ярославскому. Он там с утра не в настроении. Ты пока подумай, на кого нам поменять Бжезинского. Дай задачу «Ветру» взять кого-нибудь в разработку из той же канцелярии. Проверить все связи: рабочие, личные, политические. Может быть, накопим что-нибудь интересное.

— Мы ведь лично с тобой проверяли, там нет никого.

— Когда это было? Три года назад?.. Уверен, там есть новые сотрудники.

— Хорошо, Ренат, я все сделаю. Ты можешь на меня положиться. И кстати, вечером заедешь?

— Нет, Майя. Сегодня не получится. — Пропускаю ее вперед и закрываю дверь.

— Почему?

— Потому что вечером у меня концерт...

*

— Нельзя было потактичнее? — раздраженно спрашивает Ярославский.

— Ничего такого я не сказал, — злюсь не меньше. Чай не мальчик после академии. — Все в профессиональных рамках, Олег Валентинович.

Пожаловалась на меня. Только вот папенькиному сыночку или самому папеньке?

— Ренат, мне проблемы не нужны. Сегодня из администрации президента позвонили, завтра он сам сюда заявится?

— Вы прекрасно знаете, что я к этой встрече не рвался. Надо было передать защиту Литвиновой Луневу или в другой отдел.

— Ну, давай-давай, помогай старику распределять дела в Управлении. Сам не справляюсь.

— Извините. Я не об этом, товарищ генерал.

— Знаю я, о чем ты, но пойми: Давид — наш человек, и мы должны разобраться правильно. Сами. По-человечески, Ренат.

— Чем я и занимаюсь. Разрешите идти?

— Иди. И будь с его дочкой... повежливее.

— В следующий раз перед допросом запишусь на курсы по этикету, — мрачно обещаю. Ярославский отмякает. Ржет.

После рабочего дня еду в место, где у Литвиновой запланирован концерт. Без какой-либо сложности и лишних вопросов от сотрудников площадки паркуюсь у заднего входа и попадаю внутрь. По указателям иду к гримеркам.

Там осматриваюсь.

Охрана у нее вялая.

Кстати, вчера, когда Афанасьев с Гориным забирали Эмилию от здания киноконцертного зала, охранников с ней вообще не было. Поразительная глупость и недальновидность, простибельная только для девчонки.

Куда смотрел ее папаша и куда сейчас смотрят будущие родственники Озеровы? Или только языками чесать могут и ябедничать?

— Туда нельзя! — перед гримеркой меня останавливает мальчишка в костюме на два размера больше.

Такого можно вырубить дыханием после двойной порции виски. У меня бы получилось.

— Мне — можно.

— Сказали, что никому нельзя.

Из внутреннего кармана пиджака достаю удостоверение. Мальчишка читает, на секунду бледнеет, а потом начинает покрываться красными пятнами.

Детский сад, блядь.

— Я сейчас предупрежу, что вы здесь, — заикается.

— Рискни здоровьем, — провожаю его взглядом и недовольно посматриваю на отирающуюся рядом молодежь.

Затихают.

Гипнотизирую дверь с табличкой «ЭМИЛИЯ», положив ладони в карманы брюк и покачиваясь на пятках.

Парень выходит бордовый.

— Там... э... в общем... я...

Видимо, передать слова Литвиновой не решился. Есть предчувствие, что парню они не понравились, уверен, что я тоже буду не в восторге. Так и знал.

— Ладно, отойди, — вздыхаю и сдвигаю его влево.

Интеллигентным быть снова не получается. Прямо скажем, тактичность никогда не была моей добродетелью, поэтому открываю дверь и попадаю в залитое светом пространство. Многочисленные зеркала на стенах делают его еще воздушнее, но особое сияние придает девушка в центре.

— Добрый вечер.

Колдующие над Эмилией визажисты испуганно на меня смотрят, а затем после строгого кивка хозяйки сегодняшнего вечера отправляются за дверь.

— Я же сказала, что не хочу ни с кем разговаривать перед концертом, — говорит она, что-то быстро набирая в мобильном.

— Мой рабочий день до семи. Ты хотела общение исключительно в деловых рамках, — сухо произношу.

Она поднимается, кладет телефон на туалетный столик и резко оборачивается, упиравшись бедрами о столешницу.

Эмоциональные горки, на которых я мог себе позволить покататься шесть лет назад, давно трансформировались в бескрайнюю выжженную равнину, но отказаться от чисто мужского удовольствия исследовать стройную, хрупкую фигурку, облаченную в белый шелковый халат, не представляется возможным.

Крупные бигуди, на которые накручены темные длинные волосы, впечатление не портят, а придают образу сексуальную незавершенность.

Обещание, которого я больше не жду. Да и не мне оно полагается.

Когда-то я искренне считал, что ничего и никого красивее Эмили Литвиновой в жизни не видел.

У меня было целых шесть лет, чтобы расширить кругозор. Шесть лет. Но ничего не поменялось. Второго чуда света, по моей версии, просто не существует. Только вот сложная работа над ошибками показала, что некоторым слабостям лучше не потакать.

На заостренном повзрослевшем лице выражение крайней скуки, в лазурно-бирюзовых глазах плещется незаурядный интеллект. Тонкие брови взмывают кверху.

— Ты посмотреть пришел? — злится.

— Поговорить, — хриплю.

Блядь.

Откашливаюсь и продолжаю:

— Вернемся ко вчерашнему разговору и отбросим разногласия. У меня нет цели испортить с тобой отношения, Эмилия. У тебя своя работа, — осматриваю светлую гримерку, — у меня — своя.

Она складывает руки на груди и молчит.

— Все, что я вчера сказал, — это не шутка и не розыгрыш. Ты должна это понимать. Давид, возможно, в беде. Давай не будем усугублять его положение твоей уязвимостью.

— Со мной все в порядке.

— Я заметил, что у тебя нет охраны. Готов предоставить своих сотрудников. Начнем с двоих. Ты их знаешь: встретила с ними вчера.

— У меня есть деньги, я могу себе позволить секьюрити.

— Очень рад за твои финансовые возможности, но в данный момент у меня нет времени заниматься подбором персонала. Мои люди — проверенные. Крепкие специалисты, сильные ребята. Они точно справятся с любого рода проблемами.

— Так же как ты когда-то справлялся? — усмехается она.

Я намеренно пропускаю провокацию и медленно подхожу к Эмилии. В нос проникает знакомый запах сладковатых духов. Или мозг так обманывает?..

Останавливаюсь в одном шаге.

Эмилия еще сильнее вжимается в столешницу и упирается в нее ладонями. Намеренно безразлично хлопает длинными ресницами и вздыхает.

— Давид или те, у кого он сейчас, могут дать знать о себе совершенно по-разному, — смотрю сверху вниз в распахнутые глаза. — Без опыта ты можешь этого не понять. Мои сотрудники — вычислят сразу.

Придвигаюсь.

— Что ты делаешь? — взволнованно шепчет она, когда я протягиваю руку и задеваю ее тонкое плечо.

Дрожит, а потом слабо вскрикивает, потому что я резко ее отталкиваю и хватаю телефон.

— Твою мать... Ты меня пишешь! Seriously? — иронично усмехаюсь, выключая диктофон.

Эмилия часто дышит и выглядит растерянной.

— В общем, все. — Одариваю ее самым суровым взглядом. — Мои люди отныне будут с тобой. Везде. И это не обсуждается.

— У меня концерт через полчаса, — говорит она мне в лицо. — Можно, я уже буду готовиться? Пожалуйста.

Опускаю взгляд на вздымающуюся под белым шелком грудь.

— Можно, готовься, — отвечаю резковато и стремительно иду на выход.

— Эй... Верни мой телефон! — кричит она мне в спину.

— Новый купишь, — отвечаю с усмешкой, убирая его в карман и открывая дверь. — Деньги у тебя есть.

Глава 5. Эмилия

В переполненном ресторане шумно.

— Какие грозные дяденьки! — смотрит Искра в отражение, за которым, как два гипсовых изваяния, стоят мои молчаливые охранники.

Она отпивает брусничный чай и с выражением воодушевления на лице приступает к ароматному стейку. Я вдруг жалею, что решила ограничиться лишь десертом, на которые в последнее время подседа.

— Алексей! Всеволод! — медленно оборачиваюсь к фойе и предельно вежливо обращаюсь. — Может, вас угостить чем-нибудь? Кофе, чай или поужинаете с нами?.. Здесь отличная мексиканская кухня. Говорят, жгучие специи способствуют выработке эндорфинов.

Искра посмеивается, а выражения каменных лиц не меняются. Ноль эмоций! Какие уж там эндорфины. Уверена, Аскеров с корнем вырвал гипоталамус, который их вырабатывает. И себе, и всем своим сотрудникам.

Я раздражаюсь, потому что не привыкла, чтобы меня настолько открыто игнорировали.

Сотрудники Управления — особая каста профессионалов. Работа слаженная, безотрывная, сложная — по отцу знаю. Вот уже три дня со мной рядом всегда кто-то из этих двоих, но чаще всего сразу оба. И когда они едят, когда ездят домой, чтобы принять душ и переодеться? Этого я даже не замечаю. Причем выглядят фээсбэшники всегда с иголки. О чем-то переговариваются, с кем-то созваниваются. Подозреваю — с Аскеровым, который забрал мой телефон и уехал с концерта, даже не дождавшись первых аккордов (он столкнулся с Искрой возле запасного выхода).

Нет, я не рассчитывала, что Ренат захочет посмотреть на результат моего многолетнего труда, чтобы порадоваться. Даже выдохнула с облегчением, узнав, что его не будет.

Поворачиваю голову и грустно разглядываю разноцветных рыб в пузатом аквариуме на подоконнике.

Все к лучшему. Уходя — пусть уходит. Навсегда.

— Стоят как неживые, — подруга ворчит. — Это, вообще, обязательно, чтобы они за тобой везде таскались?

— Не знаю.

— Работать невозможно. Им до всего есть дело. Куда мы едем, где выступаем, кто приходится заказчиком. Я тебе говорила, что они запретили ехать на закрытую вечеринку к Одинцову? Это самое модное событие месяца!

— Почему?

— Якобы он нечист на руку, что-то там они выяснили. Но ты представляешь, со сколькими людьми дружит Одинцов? Нас больше не будут приглашать — вот и все.

Посматриваю на двух серьезных мужчин за натертым до блеска стеклом.

Аскеров в разговоре со мной лукавил. Никакая это не охрана, а скорее вооруженная стража. Ведут себя очень невежливо, многое запрещают, лезут, куда не просят.

Надеюсь, с отцом все в порядке, потому что я начинаю нервничать.

За время его службы на благо Родины бывали совершенно разные ситуации, но меня в них никогда не посвящали. На долю секунды даже подумала, что таким образом Ренат пытается вернуться в мою жизнь. Наивная дурочка.

Так вот.

Последние шесть лет папа работал то в Сибири, то где-то за границей, редко — в Москве. Бывало, по три месяца не выходил на связь, потом звонил, устраивал короткий отпуск, чтобы приехать домой.

Я устала.

Крайне сложно быть семьей такого человека.

Человека, который делает все, чтобы мирные граждане спали спокойно, а собственная дочь постоянно мучилась. Чисто по-человечески больше не могу быть тридцать третьим номером. Ни для кого.

У меня своя жизнь, карьера, планы, мечты. Репутацию, которую я зарабатываю годами, можно быстро растерять и очутиться в числе непорядочных артистов, если отказываться от всего подряд.

— Кстати, как Глебу твой концерт? — спрашивает Искра. — Понравился?

— Да, он похвалил, хоть и опоздал на первый блок песен.

— А его родители?

— Они не очень любят такую музыку, — неловко улыбаюсь. — Но Глеб показал им видео с концерта. Анне Константиновне безумно понравилось.

— Какие они милые! — закатывает глаза Искра.

— Точно...

Долгое время я никого к себе не подпускала. Была уверена, что так правильно.

Снова вру. Зачем?

В глубине души надеялась: Ренат вернется. Вернется и по достоинству оценит мою лебединую верность, которую я хранила несколько лет. Потом узнала: сам он не в курсе, что это такое, поэтому и оценить по достоинству не смог бы.

Стало известно еще во время наших недолгих отношений, что Аскеров работал с Майей Синецкой под видом семейной пары со всеми вытекающими. Они вместе ездили на Урал, жили там почти месяц, спали на одной кровати. Тогда-то весь благородный флер профессии разведчика перестал меня восхищать.

Да и папа ругался, разговаривал, давил — все как обычно. Глеб стал отличным компромиссом. Первым компромиссом с отцом.

И вообще, у него всегда и все продумано на два шага вперед. Мой папа — непотопляемый. Возможно, именно поэтому я не очень верю в то, что он может оказаться в беде.

А вот интерес Рената к моей персоне искренне раздражает. Как и его люди, слоняющиеся за мной по пятам и портящие мою кристальную репутацию.

— Мы поедem к Одинцову, — решительно говорю Искре, оплачивая счет и надевая темные очки. — Сдержим слово.

— Но...

— Ты уже ему отказала?

— Не успела.

— Вот и отлично.

— Слава богу, — она делает пометки в блокноте. — Позвоню менеджеру Одинцова вечером с личного телефона, чтобы уточнить детали: на рабочий эти громилы установили какое-то устройство. Все звонки идут автоматом к ним на прослушку... — жалуется, демонстрируя увесистый мобильный.

— Дай-ка сюда, — с трудом отсоединяю тонкую пластину, больше похожую на батарею и тут же демонстративно опускаю ее в аквариум.

Огромный сом встречает неизведанную вещь, камнем падающую на дно, равнодушным спокойствием.

— Какая ты отважная, Эмилия! — восхищенно шепчет Искра, с опаской поглядывая поверх моего плеча. — Это ведь наверняка подотчетное оборудование!.. дорогое! Аскеров разозлится.

Я оборачиваюсь и замечаю переговаривающихся между собой охранников, а затем холодно улыбаюсь.

— И пусть. Новое купит!.. Деньги у него есть!

*

Вопреки личному запрету Аскерова на вечер к Одинцову мы все-таки едем и отрабатываем его на сто из ста.

Во-первых, потому, что отказываться от предоплаченной работы действительно некрасиво. Музыкальная тусовка — узкий круг, где все друг друга знают, а моя репутация — то, чем стоит дорожить, но какое до этого дело Ренату Булатовичу? Правда?

Во-вторых, за время постоянной работы сколотилась неплохая команда. Помимо нас с Искрой, это клавишник, гитарист, басист, барабанщик и бэк-вокалистка. Все эти люди хотят зарабатывать и могут разбежаться, если будет много простоев.

В целом закрытая вечеринка проходит на уровне: для нас выделяют огромную гримерную с накрытым закусками столом, а после выступления меня приглашают разделить трапезу с хозяином дома и его знаменитыми гостями: людьми из модельного бизнеса, бизнесменами и киношниками.

Один из последних, актерский агент Жора Сташевский, в подпитом состоянии отпускает кучу комплиментов моему умению держаться на сцене и предлагает свои услуги. Я тут же отказываюсь: карьера актрисы меня не интересует, а вот саундтрек к фильму — другое дело.

Правда, и здесь все уже случилось: ближе к Новому году выйдет биографический фильм о судьбе балерины от известного кинорежиссера Адама Варшавского, к музыкальному оформлению которого я приложила руку.

Кстати, Аскеров никак на наш выезд к Одинцову не реагирует. Сотрудники Управления продолжают меня сопровождать, а на рабочем телефоне появляется очередное записывающее устройство, от которого я снова избавляюсь.

После третьей утилизации, полагаю, до Рената что-то доходит, и мне возвращают мой телефон, пользоваться которым я, естественно, больше не планирую — мало ли что сотрудники Управления туда вмонтировали, но меня терзает любопытство.

Хочется тут же включить мобильный и просмотреть все его содержимое будто бы глазами своего бывшего мужчины: нашу милую переписку с Глебом, поддерживающие заметки самой себе (когда у меня что-нибудь не получается, я всегда их пишу — привычка) и тысячи фотографий, в том числе с откровенных фотосессий.

Хочется, но я этого не делаю.

Не стоит.

*

Первое утро новой недели начинается с традиционной пробежки и такой же встречи на спортивной площадке в пожелтевшем московском парке.

— Привет, — стягиваю олимпийку и вешаю ее на брусья.

Поправив под грудью резинку топа из эластичной ткани, подхожу к турнику и испытываю чисто эстетическое удовольствие, пока рассматриваю крепкие мышцы на спине, напоминающие мощные бугристые крылья на лопатках.

Стас ловко спрыгивает на землю и оборачивается ко мне.

— Привет, красавица, — тоже разглядывает меня с нескрываемым мужским интересом, а затем переводит взор за мое плечо и... абсолютно ровно и безэмоционально кивает своим коллегам, остановившимся на приличном расстоянии от нас. — Ребята, что, у тебя подраба-тывают? — с нескрываемой иронией спрашивает.

Я подозрительно прищуриваюсь.

— А ты ничего не знаешь, Стас?

— А что я должен знать, Эмилия? — парирует.

Пожав плечами, с разбега запрыгиваю на турник и начинаю подтягиваться. Стараюсь соблюдать правильную технику. Кожу вдоль позвоночника и на пояснице печет.

— Не могу больше, — пытаюсь отдышаться на вытянутых руках и стираю пот со лба плечом.

— Терпи давай, — Стас усмехается. — Еще парочку. Ты ведь не слабачка какая-нибудь.

— Не могу... — взываю.

— Мы могли бы заниматься любовью, но ты сама выбрала спорт, — замечает он философски.

— Какой ты дурак, — смеюсь и с трудом выжимаю из себя еще два раза. — А ну-ка, помоги мне.

Стас подходит спереди и, обхватив одной рукой меня под ягодицами, снимает с турника. Я вцепляюсь в каменные плечи и заглядываю в светлые, чуть насмешливые глаза. От сильного тела идет жар.

— А теперь отпусти, — неловко смеюсь.

— Я всю неделю ждал, когда тебя пощупаю, — еще сильнее сжимает руку. — Потерпишь.

— Боже, какой ты мужлан, а еще разведчик. Серьезности ни грамма. Все такой же качок, которого я встретила шесть лет назад.

Несколько смущаюсь от непонятных ощущений: от чисто женского удовольствия до легкой боли.

Со Стасом мы познакомились, когда я встречалась с Ренатом. Тоже на спортивной площадке во дворе их дома: они были соседями. Потом оказалось, что мы учимся на одном факультете, завязалась легкая дружба, порой переходящая во флирт. Возможно, все это переросло бы во что-то большее, но когда-то я дала обещание, что у нас ничего не будет, а свои обещания я привыкла исполнять. Всегда-всегда.

Стас двигается по кругу.

Запрокинув голову, наслаждаюсь тем, как легкий осенний ветер кружит голову, а потом все же выбираюсь из крепкого захвата и поспешно надеваю олимпийку.

— Так все-таки? — Стас косится на Всеволода и Алексея. — К тебе их отец приставил?

— Нет, — мотаю головой и еще раз непонимающе смотрю на друга.

Зачесанные назад светлые волосы немного влажные от тренировки. Это удивительным образом подсвечивает широкие грубоватые скулы.

— Ты правда ничего не знаешь? — интересуюсь чуть тише.

— Нет. А что я должен знать?

— Да так, — пожимаю плечами.

Стас поступил на службу в Управление сразу после окончания учебы в МГУ, но работает в научно-техническом отделе, занимающимся защитой информации и спецсвязью, поэтому вполне возможно, что об отце он ничего не знает.

— У тебя какие-то проблемы, Эмилия? Кто-то обижает? — его взгляд становится жестким, цепким.

— Нет, блин. Я сама кого хочешь обижу, — беру его под руку.

— Это точно, Пенелопа, — он тяжело вздыхает, назвав меня старым прозвищем.

Мы уже подходим к моему дому — новенькому жилкому комплексу, где я арендую огромную квартиру в двести квадратных метров.

— Почему ты мне не сказал, что Ренат вернулся? — все-таки решаюсь спросить, открывая калитку электронным ключом.

— А почему я должен был сказать? — Стас придерживает дверь.

— Я думала, мы друзья...

— Мы не друзья, Эмилия, — произносит он спокойно.

— А кто же?

— Я подкатываю к тебе яйца и жду, когда ты поймешь, что мы созданы друг для друга.

— Ах вот как, — смущаюсь. — А я надеялась на дружбу.

— Дружба в нашем случае как безалкогольное пиво. Вкус вроде тот же, а вообще — ни о чем.

— Ну хватит, — хихикаю. — Я скоро замуж выхожу.

— Никогда бы не подумал, что буду завидовать задроту-юристу.

— Эй, это обидно звучит. Глеб не задрот. Он умный, понимающий и добрый. Если ты будешь его обижать и говорить о нем в подобном ключе, мне придется отменить наши понедельники.

— Ладно-ладно. Никто его не трогал, Эми. Поворчать нельзя.

— Поворчать можно, просто не на тему Глеба, — я умиротворенно вздыхаю.

— Если серьезно, то говорить про Аскерова специально не стал. Во-первых, ходят слухи, что он в любое время может вернуться туда, где был. Во-вторых, что-то тут нечисто...

— Что ты имеешь в виду?

— Из таких командировок так быстро не возвращаются. Еще и звание дали. Очередное, но все же...

— Чисто из любопытства, — сразу предупреждаю, — ты можешь навести справки, зачем он вернулся?..

— Теоретически могу. Земля слухами полнится, — утвердительно кивает Стас. — Только если поцелуешь, — пальцем указывает на щеку.

— Да легко, — смеюсь и, приподнявшись, быстро целую.

Глава 6. Эмилия

К концу недели слабость, беспокоившая меня еще до концерта, но на которую в связи с загруженностью приходилось не обращать внимания, возвращается вместе с легким недомоганием и кашлем.

Организм будто расслабился и... окончательно сдался.

Глеб настаивает на полном обследовании, я прохожу его по совету Анны Константиновны в Кремлевской больнице. Во-первых, там работают отличные специалисты, моя будущая свекровь им точно доверяет, а во-вторых, информация из подобного рода учреждения вряд ли попадет в интернет-паблики, что так любят трести грязным бельем.

На голосовые связки болезнь тоже влияет: в горле постоянное ощущение скованности и першит. Все запланированные мероприятия и концерты приходится отменить, у Искры из-за этого появляется много хлопот.

А еще подруга сильно за меня беспокоится, потому что два года назад после такой же рядовой ОРВИ, а вернее, ее осложнений, талантливой выпускнице Гнесинки пришлось закончить едва начавшуюся карьеру.

Это было очень тяжелое время для нас, ставшее неожиданной проверкой.

Отрицание, гнев, депрессия — все эти этапы мы прошли вместе, пока не наступило принятие. Чтобы чем-то заняться, Искра начала работать со мной и за это время зарекомендовала себя как лучший концертный директор и организатор.

— Мне грустно, потому что у меня не будет работы до конца следующей недели, — говорю, размазывая кашу по тарелке. — Искра обо всем договорилась.

— Твоя Искра — молодец, — холодно произносит Глеб, завязывая темно-синий галстук. — Ты можешь спокойно заняться свадьбой, — глядя на меня, смягчается. — Мама могла бы тебе помочь выбрать все необходимое.

— Да... я знаю... — вздыхаю, чувствуя новый прилив кашля.

Овсянка становится противна до тошноты.

Чтобы отвлечься, рассматриваю свою просторную кухню с высокими окнами и белоснежными фасадами гарнитура. В квартире целых пять комнат плюс огромная светлая гостиная, но здесь я люблю находиться больше всего.

— Определись уже с датой, Эмилия. — Глеб подхватывает пиджак и по-хозяйски целует меня в висок.

— У тебя будут какие-то пожелания? — запрокидываю голову и улыбаюсь.

Он смотрит сверху.

— Чем быстрее, тем лучше. Хотя за два дня организовать такое событие тоже не получится...

— Я хочу что-то камерное, — прикрываю глаза мечтая. — Маленький загородный отель, тридцать человек, не больше, белое платье и кружевная фата, ты в смокинге, фотосессия и легкий праздничный ужин.

— Увеличь количество гостей до трехсот, выбери отель побольше, а остальное сделай так, как хочешь, — он смеется и склоняется, чтобы поцеловать меня в губы.

Глеб идеален для меня. Так же как и я, не очень любит нежности и никогда не посягает на мою отстраненность, которую я стараюсь держать со всеми. Он бережный любовник, отличный друг и прекрасный мужчина. С другими он открыт для общения, но соблюдает дистанцию. Именно такого понимающего и спокойного мужа я хотела бы видеть рядом. Именно такой отец — ответственный и внимательный — подойдет моим детям.

— Триста человек? Это уже не то... — грустнею, потому что не хочу чужих людей в свой день. Однако догадываюсь, что свекор не может себе позволить подходящий мне формат. Тут же вспоминаю о папе и грустнею. — И вообще, ситуация с отцом начинает беспокоить... Дмитрий Александрович ничего не рассказывал?

— Нет. Ярославский отказался с ним разговаривать на эту тему и вежливо попросил не мешать работе Управления.

— И что же делать?..

— Жить. Ты сама говорила, что отец и раньше надолго пропадал... Это все служба.

— Да, это так, но меня никогда не вызывали в Управление и не приставляли охрану.

— Все бывает в первый раз. У Давида Андреевича серьезная работа. Будем надеяться, до свадьбы он сможет разрешить все вопросы и порадует нас своим присутствием.

— А если он не вернется? — хмурюсь.

— Значит, мы устроим для него торжество в нашу первую годовщину, солнце. Ты ведь понимаешь, что мы больше не можем ждать?

— Конечно... — расплываюсь в счастливой улыбке. — Ты прав, Глеб. Папа бы первый сказал, чтобы мы в такой ситуации женились и ни о чем не думали.

— Он у тебя очень умный человек.

— Хорошо, что я ни капли не сентиментальна и никогда не мечтала, чтобы отец вел меня к алтарю...

— Ты просто очень рациональная. Это качество я в тебе выделяю и ценю. Ну и, конечно, то, какая ты красивая. Особенно по утрам...

— Ну спасибо, — посмеиваясь, иду его провожать.

Едва дверь за Глебом закрывается, я слышу доносящийся из гостиной звук мобильного.

— Да...

— Вау. Какая ты... запыхавшаяся. Чем занимаешься?

— Стас, — закатываю глаза и смеюсь. — Точно не тем, о чем ты подумал!..

— А что я подумал?

— Ну все, прекрати...

— Сегодня понедельник, а ты не вышла на пробежку, — его голос становится серьезным. — Я забеспокоился.

— Прости, совсем забыла сообщить, что заболела.

— Что случилось?

— Простыла, ничего серьезного, — виновато потираю лицо. — Но с тренировками пока придется завязать.

— Ты разбила мне сердце, Литвинова! — ворчит.

Закусываю нижнюю губу, чтобы не рассмеяться.

— Мы можем заменить их прогулками в парке в то же время или завтраком в кафе напротив моего дома, — предлагаю варианты.

— Ладно уж. Второе...

— Договорились! А еще... Стас, ты узнал, о чем я тебя просила?

— Узнал, но тут ты поцелуем в щеку не отделаешься.

— Стас!..

— Ну что?

— Не наглей, — кашель одолевает.

— Бедная...

— Погоди... Все, — хриплю.

Он нахально продолжает гнуть свою линию:

— Одно фото. Можно в белье... если хочешь... я мог бы...

— Стас!.. — возмущенно перебиваю, плохо скрывая смех.

— Ну не хочешь — как хочешь, — Стас снова становится собой: серьезным и строгим. — Ладно. Не по телефону, Эмилия. Напиши, как будешь готова встретиться.

— Спасибо, — умиротворенно вздыхаю, снова думая, как прекрасно, что у меня есть такой друг и я испытываю к нему что-то настоящее, неподдельное.

— Не болей.

— Не буду... Пока.

Сразу после разговора направляюсь в душ. Планов на день никаких, поэтому позволяю волосам высохнуть естественным способом. От этого они становятся пышными, мягкими, но не такими глянцевыми, как после утюжка.

Долго разглядываю себя в зеркале — без макияжа и печати усталости на лице, а затем бвивающими движениями пальчиков наношу легкий крем и смазываю губы специальным маслом.

Дверной звонок слышу не сразу: в ванной комнате шумно работает вытяжка. Затянув пояс на халате, иду открывать и первое, что вижу, — объемный букет шикарных белых роз.

Взгляд тут же устремляется выше, а дыхание от волнения снова сбивается в мучительный кашель, приступ которого благополучным образом быстро заканчивается под прицелом темных глаз.

— Что ты здесь делаешь? — сдавленно спрашиваю.

Ренат наступает, заставляя меня отойти назад. Высокий, как всегда, до раздражения невозмутимый и серьезный, он интересом осматривает мою прихожую, а затем мое не самое дружелюбное лицо.

Бесит.

Неимоверно бесит, как Аскеров хладнокровно просачивается в мою жизнь и при этом аккуратно закрывает за собой дверь.

— Что ты здесь делаешь, Ренат? — повторяю чуть строже.

— Как что? — ровно отвечает. — Пришел навестить больную.

*

Обхватив благоухающие свежестью и красотой цветы, не отвожу взгляда от Рената, изучающего обстановку моей со вкусом обставленной гостиной. Он делает это профессионально, без особого личного интереса, так, словно меня здесь нет или мое присутствие ему безразлично.

Да уж... Вздыхаю.

Внимательного мужчины с искрящимся пеплом в глазах, которого я безумно любила шесть лет назад, больше нет.

Окей... Опускаю лицо и утыкаюсь носом в крупные белые бутоны. Дыхание выравнивается, логика входит в чат. Для меня тот мужчина умер. Еще там, на Белорусском вокзале. Раз и... навсегда.

Этот незнакомец в деловом костюме отдаленно на него похож, если только искать сходство. Я таким заниматься не собираюсь: выросла.

— Сколько в квартире комнат, Эмилия? — Ренат подходит к окну.

— Пять, если тебе еще не доложили... — мой хриплый от болезни голос тонет в вакууме.

Для сотрудников Управления пришлось выделить одну из дальних спален, которой сама я никогда не пользовалась. Сначала мужчины отказывались, подтверждая мои мысли, будто в них нет ничего человеческого, и они не спят, не едят и не моются в душе, но, по всей видимости, здравый смысл одержал верх — все-таки согласились. Мне не хотелось быть внимательной или вежливой. Отрабатываю карму, чтобы, так же как и я, кто-нибудь позаботился о моем отце. Где бы он сейчас ни был.

— Все окна выходят во внутренний двор? — продолжает Ренат, отводя расстегнутую полу пиджака и убирая левую руку в карман брюк.

— Практически все...

Ткань белой рубашки натягивается, обрисовывая упругие грудные мышцы и напоминая, что Аскеров никогда не был качком, но всегда следил за своим телом мыслями и действиями. Пожалуй, я единственное, что он впустил в свои унылые чекистские будни необдуманно.

— И какие не выходят? — оборачивается.

— Окна моей спальни.

Он достаивает меня кивком и равнодушным взглядом.

Я жадно дышу диафрагмой и... тоже успокаиваюсь. В конце концов, так бывает — отбросим то, что было раньше, тем более Ренат никак мне об этом не напоминает, ведет себя прилично-отстраненно. Будто бронированный.

Сейчас — я счастлива.

Сейчас — у меня планы длиною в жизнь с Глебом. Мне надо думать о свадьбе, о своем здоровье и еще о тысячах приятных хлопот и мелочей, которые всю последнюю неделю хаотично бродят в моем сознании и никак не выстроятся в ряд.

— О папе что-то известно?

— Пока ничего нового, Эмилия.

— Зачем ты здесь? Зачем задаешь все эти вопросы? Мне угрожает что-то конкретное? Или кто-то? — пугаюсь.

Он гасит мой страх одним взглядом.

— Не переживай. Это привычка. Любое помещение должно быть исследовано с точки зрения безопасности.

Я киваю. У каждого свои законы, согласна. Я тоже, заходя на любую новую площадку, тщательно проверяю зрительный зал, каждый сантиметр сцены и все оборудование, чтобы во время концерта не произошло нештатных ситуаций.

Смелею, потому что вот уже двадцать минут мы общаемся вполне сносно. Правда, я никак не могу отцепиться от букета, используя его как щит.

— Зачем ты вернулся? — опять хриплю.

— Теперь ты решила спросить у меня? — с иронией усмехается Ренат.

— Ты... — хмурюсь.

— Всего одно фото, Эмилия... — перебивает, меняя интонацию и дразня. — Могла бы не жадничать, тем более что фотографии у тебя есть. Жалко парня...

Как он узнал?..

Мои щеки вспыхивают.

— Боже, откуда ты... — вновь опустив глаза к цветам, догадываюсь и тут же ищу записку, нахожу ее под хрустящей матовой бумагой.

Дура! Сразу было понятно, что это не от него.

Бросив злой взгляд на Аскерова, сдираю наклейку, разворачиваю и читаю пожелание от Стаса:

«Выздоровливай, моя Пенелопа».

— Встретил курьера в подъезде.

— Ты просто невозможный человек, Ренат!

— Ты тоже, — голос становится строгим и чужим.

— Что ты имеешь в виду?

— А то, что не нужно портить парню жизнь, Эмилия. Он хороший специалист, правильный. Возможно, даже добьется успехов на службе, если будет думать головой, а не...

— Ну хватит... — злюсь. — Это не твое дело. И с твоей стороны низко напоминать мне, что ты вдоль и поперек изучил содержимое моего телефона. Это частная жизнь.

— Кстати, почему вы не вместе? — он пропускает мои обвинения мимо ушей. Как всегда.

— Что? — удивляюсь.

— Во всяком случае, Станислав подходит тебе больше, чем сын Озерова.

— Я... я не спрашивала твоего мнения, — четко произношу, хотя внутри все клокочет и кипит. — Я счастлива с Глебом и люблю его. Он — тот, кого я всегда искала. Человек, для которого главное семья, а не служба...

— Ладно, все, — Ренат кивает, резко направляется к двери и, проходя мимо, осматривает мой халат. — Как ты себя чувствуешь?

— Мне уже полегче...

— В таком случае оденься, надо съездить к вам домой, проверить контакты, возможно, документы Давида. Может, там есть что-то, что мне пригодится...

— С чего вдруг я должна ехать с тобой туда? — переминаюсь с ноги на ногу.

— Думал, беспокоишься об отце...

— Боже... Конечно, я о нем беспокоюсь, Ренат, — нервно сглатываю. — Хорошо. Я переоденусь и выйду. Дай мне полчаса.

— У тебя пятнадцать минут... Не больше.

— Да пошел ты, — шепчу, когда слышу стук двери. — Да пошел ты!.. — повторяю в потолок уже громче, в надежде, что он услышит. Как-то ведь узнал про разговоры со Стасом? Что это: прослушка телефона, жучок, установленный где-то здесь, или еще что-то новомодное, шпионское, о чем я даже догадываться не могу? Не знаю.

Честно, и подумать некогда.

Ставлю цветы в воду, быстро нахожу первое попавшееся свободное платье и накидываю пиджак, застегиваю тонкие ремни босоножек на щиколотках. Перед выходом сбрызгиваю запястья любимой туалетной водой с легким цитрусовым ароматом.

У подъезда помимо автомобиля Всеволода вижу новенький черный «Мерседес» без опознавательных знаков, не считая каменного лица Рената Аскерова за рулем. С облегчением занимаю место рядом с ним.

Хорошо, что машина новая. Обезличенная. Так проще. Все старое вызывает приступы тахикардии, абсолютно не нужной в моем положении.

«Я счастлива», — повторяю про себя. Меня ждет жизнь, полная человеческого тепла и любви. А *его* жизнь — путь смертника, он в любой момент готов отдать все ради благополучия государства. Таких, как Ренат — не обремененных семьями и обязательствами, — немного, эти сотрудники на вес золота. Элита разведки.

До квартиры отца мы добираемся в полном молчании. Вести светские беседы в нашей ситуации довольно глупо.

С щемящей душу ностальгией поднимаюсь по лестнице, стуча тонкими каблуками и стараясь не чувствовать затылком тяжелый взгляд, открываю дверь, за которой так привычно пахнет табаком.

— Где лежат ключи от сейфа? — спрашивает Ренат, направляясь в кабинет.

— Неужели есть вещи, которых ты не знаешь, — закатываю глаза. — В верхнем ящике стола, — тут же предусмотрительно договариваю.

Пока Аскеров проверяет документы и записи отца, я обхожу знакомую с детства квартиру и ловлю обрывками ностальгические картинки. Мы с папой никогда не были семьей в привычном понимании. Не было главного — традиций, которые могли бы нас объединить. Что-то вроде встречи Нового года или совместных завтраков. Обычно за такое отвечает женщина, а мама умерла сразу после моего рождения.

Но даже так сейчас, сидя за нашим столом, понимаю две вещи. Во-первых, мне нравится мое детство и я никогда бы не променяла его на что-то другое. Во-вторых, у моих детей все будет иначе: самый настоящий дом и любящие родители.

Мои мысли прерывают.

— Поехали, — бросает Ренат, застегивая нижнюю пуговицу пиджака.

— Уже все? — поднимаюсь и задвигаю стул.

— Да. Ничего нового я не нашел.

— Мне жаль.

Я захлопываю окно после проветривания и проверяю, перекрыты ли краны. Только потом отключаю свет и выхожу из квартиры. Ренат следует за мной.

— У тебя есть ключ? — он останавливается у почтовых ящиков.

— Да, — ищу в связке самый маленький.

Помимо кучи счетов нахожу в корреспонденции несколько писем для меня. Перебираю их, замечая одно без обратного адреса и почтового штампа.

— Интересно, что это? — хмурюсь, вскрывая конверт.

Аскеров нависает сверху, давит своим присутствием.

— Что это? — спрашиваю уже беспокойнее, потому что не могу понять смысла написанных слов.

Чтобы прочитать, Ренат обхватывает мою ладонь и направляет к себе.

Это... угрозы.

Вполне конкретные и злые.

«Привет, подруга. Помнишь, шесть лет назад ты сделала небольшое одолжение?.. Мне опять позарез нужна твоя помощь. Жди нового задания и постарайся выполнить его хорошо, иначе все твои поклонники узнают, что ты была причастна к взрыву в ночном клубе. Как считаешь, после этого кто-то еще придет на твой концерт? Подумай».

*

Крупные капли внезапно начавшегося дождя барабанят по стеклу и затихают под мельтешащими перед глазами щетками дворников.

Я кутаюсь в теплый пиджак плотнее и, прикрывая губы сжатыми в кулак пальцами, пытаюсь откашляться. Получается совсем неэлегантно, да и к черту эту видимость.

Аскеров лицезрел меня в самых разных ипостасях, и даже тогда меня это мало беспокоило, потому что было стойкое внутреннее убеждение: ему нравятся... они все.

Сильная мужская рука привлекает мое внимание контрастом смуглой кожи, белизной манжеты рубашки и краем рукава черного пиджака. Длинные пальцы тянутся к кнопкам на блестящей панели, что-то включают, путают мои мысли, но в салоне тут же становится теплее, а стекла покрываются испариной.

— Спасибо, — сиплю благодарю.

Так и не дождавшись ответа, отворачиваюсь к наполовину запотевшему окну и погружаюсь в размышления.

Шесть лет назад, несмотря на предостережения папы и его постоянные нравоучения, я была слишком доверчивой, поэтому согласилась помочь ребятам, с которыми тогда занималась музыкой. С Петром, Бахой и Кензо я познакомилась во время учебы в Вене, куда был вынужден отправить меня отец по соображениям безопасности и по личному согласованию с руководством Управления.

Мы с поляками быстро нашли общий язык, организовали группу, выступали в барах, ночных клубах и мечтали о популярности, хоть и понимали: нужны немалые вложения. Поэтому много трудились. К новому месту работы Петра — курьерской службе — я отнеслась спокойно, а когда он попросил помочь с денежными переводами (для иностранных граждан это оказалось проблематично), согласилась. Хоть и сразу засомневалась.

То, что это было ошибкой, я поняла слишком поздно. После взрыва в ночном клубе, в организации которого обвинили моих друзей. До меня же рука правосудия не добралась. Думаю, в этом есть заслуга Рената, пусть он никак этого и не показал.

— Кому ты рассказывала, Эмилия?

Я поворачиваюсь и изучаю жесткий профиль и темные короткие волосы.

— Никому... — мотаю головой. — Никогда и ни с кем *это* не обсуждала, клянусь. Забыла как страшный сон...

Бросив короткий взгляд в зеркало заднего вида, он смотрит на меня и одобрительно кивает.

— Правильно сделала.

Я нервно сглатываю и дышу через нос.

Из-за болезни получается плохо, гипоксия усиливается, и тревожная паника только нарастает. Я прячу ее за фасадом напускного равнодушия, но голос предательски дрожит:

— Тогда кто это, Ренат?

— Кто угодно.

— Объясни, — тяжело дышу, — пожалуйста...

— Может быть, твои друзья?

— Но как?

— Сами или рассказали кому... Или их заказчик.

— Папа говорил, что всех, кто был причастен к взрыву, задержали. Погибло слишком много людей, это дело было на особом контроле в администрации президента и МВД.

— Ну... если уж папа говорил, — Ренат усмехается и включает поворотник.

— Прекрати, пожалуйста, — обращаюсь к нему предельно серьезно. — Мне сейчас не до шуток...

— Вряд ли меня можно обвинить в умении или желании пошутить! — он бегло касается моего лица укоряющим взглядом.

— Это точно! — чуть нервно улыбаюсь и расслабленно откидываюсь на спинку кресла.

Бьюсь затылком о твердый подголовник и прикрываю глаза.

— Сказать можно все что угодно. В новостях в том числе.

— Ты имеешь в виду, что не все виновные наказаны? — оживаю.

И снова его взгляд... На этот раз с легким осуждением.

— Я ничего не имею в виду. Болтливость здесь неуместна, а может быть, я просто не достиг того возраста.

— На отца намекаешь? — смеюсь. — Какие вы оба упрямые!.. Почему нельзя помириться и жить нормально?

— Я нормально живу. И без этого.

Это признание неожиданно ранит.

Хочется царапаться в ответ, но я снова сдерживаюсь. Как мантру повторяю: «У меня все хорошо!» Будущий муж, семья, свадебные хлопоты. А еще нужно следить за здоровьем. Вылечить кашель, чтобы пройти полное обследование, которое расписал мой врач.

Впереди вся жизнь: счастливая, обретающая смысл.

— Я тоже нормально живу, — смотрю прямо перед собой. — Жила до сегодняшнего дня... Я ни с кем не обсуждала... И вообще, мало с кем могла это обсудить. Перед Искрой и Аминой Алиевной как-то стыдно было...

Директор ЦУМа, с которой Ренат меня познакомил, оказалась замечательной женщиной, она очень поддерживала меня, когда он уехал. Пожалуй, я даже обязана ей жизнью...

Вытряхиваю нахлынувшие воспоминания из головы, как мусор.

— С отцом никогда не обсуждала. Стас, — улыбаюсь, — тоже мимо, у нас другой формат общения. Больше ни с кем близко я не контактирую.

— Озеров? — широкие брови приподнимаются.

— Глеб... — хмурюсь, краснея, и оправдываюсь: — Нет, конечно. Сгорела бы со стыда. Да и у Дмитрия Александровича такая должность, что... Боже, а что... если Озеровы узнают? — от еще сильнее нарастающей в груди паники перестаю дышать.

Ренат останавливается у моего подъезда и невозмутимо возвращает меня к жизни:

— Перестань себя накручивать, Эмилия. Никто еще ни о чем не узнал.

— Надеюсь... Ты ведь выяснишь, кто это? Пожалуйста.

Конверт с письмом он забрал себе.

— Будем выяснять, конечно, — отвечает он неопределенно, смотрит на меня, затем вокруг. В черных глазах что-то вроде насмешки. — Отпустил твою охрану на сегодня, поэтому переночую у тебя сам. Не против?

С этой фразой все между нами меняется. Мое беспокойство трансформируется в легкий тремор.

Он? В моей квартире?

Прошное в моем счастливом и таком обнадеживающем настоящем? Зачем?

— Почему я должна быть против? — с трудом отвечаю ровно: в той же октаве и в том же темпе, что до этого.

— Кто тебя знает, — без улыбки замечает.

— Ренат... Если ты намекаешь на наше прошлое, то совершенно зря.

— Вот как?

— Я давно об этом забыла!..

— Рад, что у тебя получилось.

— Да, — благодушно киваю. — Как-то Амина Алиевна сказала мне одну мысль: «Счастье — это не новые вещи, а то, как ты себя чувствуешь, когда их надеваешь». Так вот, после долгих раздумий я поняла, что к людям это тоже относится. Любовь, которую я прожила, — всего лишь мое внутреннее ощущение и никак не связано конкретно с тобой. Это мог быть кто угодно. К первому мужчине любая девочка привязывается. Сексологи говорят, это нормально. Потребовалось время, чтобы осознать все и... снова почувствовать.

— Если уж сексологи говорят...

— Не смейся.

— Вот и отлично, Эмилия, — уже серьезно произносит Ренат. — Идем?

Мы молча направляемся к подъезду, поднимаемся в разных концах лифта и подходим к металлической высококласной двери... почему-то приоткрытой.

— Что это? — я мгновенно пугаюсь, отступаю за Рената и инстинктивно сжимаю пальцами твердый локоть.

Аскеров мягко вынимает руку из захвата, переводит ее мне за спину и, положив на поясницу, ровно спрашивает:

— Ты закрывала дверь?

— Конечно!.. — напрягаю память. — Вернее... Черт. Я... честно не помню, — снова закашливаюсь.

Бросив внимательный взгляд в длинный, освещенный несколькими лампами коридор, он просит:

— Подожди меня здесь.

— Л-ладно... А если там кто-то есть?

— Сейчас проверим, — Ренат открывает дверь.

— А где твой пистолет?

Он оборачивается и... улыбается. Почти как раньше.

— Будь здесь.

Провожая взглядом широкую спину, скрывающуюся в квартире. Не по себе становится. Обхватив свои плечи дрожащими руками, послушно жду.

— Здесь никого нет, — сообщает Ренат спустя несколько минут. — Проверь, все ли на месте. — Он снимает обувь, и, впусив меня, закрывает замок изнутри.

— Хорошо, — скидываю туфли и оставляю пиджак в прихожей.

Деньги, документы, украшения — ничего не пропало. Остальные вещи тоже не тронуты. Выдыхаю, понимая, что, скорее всего, из-за переживаний сама забыла запереть дверь. А может быть, всему виной разбушевавшиеся гормоны.

Отчитываюсь перед Ренатом и, не желая изображать радушную хозяйку, показываю комнату в конце коридора, которую определила для его сотрудников, и поскорее скрываюсь в своей спальне.

Усталость, скопившаяся за день, берет верх. Я избавляюсь от платья и, едва коснувшись подушки, проваливаюсь в глубокий сон.

Воспоминания находят меня и здесь... Вечер перед взрывом в ночном клубе. Веселье, алкоголь, танцы... Своих однокурсников, многих из которых через несколько часов не станет...

Стаса... Рената... Отца... Искру...

Свое состояние, из которого потом долго не могла выбраться.

Мучение заканчивается, когда просыпаюсь от звука дверного звонка, и, еще не придя в себя, накидываю на полуголоое тело халат, пытаюсь разобраться с тонким пояском.

В коридоре темно.

— Ой... — попадаю в теплый омут.

— Осторожнее, — мою талию обнимают сильные руки.

Все происходит быстро. Неожиданно. Я наполовину еще сплю, поэтому реакции тела заторможены.

И аромат. Этот фантомный мужской аромат... Забытый, проникающий в душу, испаряющийся сердце под ребрами. С привкусом прошлого.

— Все в порядке?

Я... не знаю как... кладу ладони на каменные плечи и мягко их отталкиваю. Шарю по стене за спиной, зажигая свет.

— Боже, — запахиваю полы халата, оголяющие ложбинку между грудей.

Сделав шаг назад, Ренат прячет ладони в карманах брюк и смотрит на меня с высоты своего роста.

До ушей доносится еще один звонок.

— Ты кого-то ждешь? — спрашивает Аскеров и крепко сжимает челюсти до побелевших желваков на скулах.

Я медленно осматриваю расстегнутые до середины груди пуговицы и закатанные рукава белой рубашки, обнажающие мускулистые предплечья, дергающийся кадык на шее, мужественные черты лица...

Тону в холодном пепле темно-серых глаз и под их пристальным взглядом облизываю пересохшие губы.

Делаю шаг назад.

— Это... мой Глеб, — отвечаю тихо. — Я открою...

Глава 7. Ренат

Прислонившись спиной к стене, сжимаю ладони в карманах брюк и без зазрения совести пялюсь на стройные длинные ноги, выглядывающие из-под тонкого халата, ткань которого довольно откровенно обрисовывает приятные округлости и узкую талию.

Пальцы еще помнят тепло скользкого шелка.

Определенно, хозяйка округлостей в полудреме забыла о моем присутствии в квартире, иначе бы в таком виде не появилась. Наше общение до сегодняшнего дня было строго субординированным, только через моих ребят, но даже перейдя в ранг личного, дистанция не сократилась.

Здесь у Эмилии, по моему мнению, срабатывает фантомная память: один раз обожглась, больше в мою сторону даже не смотрит. Без заигрываний, полунамёков и взаимного влечения. Взаимного!..

Потому что во мне самом влечения — хоть, блядь, оптом продавай.

Дверной замок щелкает, по паркету проплывает легкий сквозняк: в комнате, где я обитал последние несколько часов, охраняя чуткий молодой сон, открыто окно.

— Привет, — Эмилия грациозно приподнимается на мысочки.

— Привет, — парень бросает на меня прямой взгляд и целует ее в висок. — Ты не одна?..

— А... — она оборачивается и еще раз смотрит на ме

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.